

Сергей Шаповалов

И умереть мы обещали

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ш24

Шаповалов С. А.

И умереть мы обещали / Шаповалов С. А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 412 с.

ISBN 978-5-532-93122-0

Исторический роман, в котором писатель попытался изложить новый взгляд на эпоху Отечественной войны 1812 года. Мы знаем о грандиозном сражении при Бородине, но нам совсем не известно кровопролитное сражение под Клястицами, где решалась судьба Петербурга. А битва у Малоярославца имела не меньшее значение, чем при Бородине. В романе много места отводится «польскому вопросу», который в то время стоял довольно остро. Именно «Вторым польским походом» назвал войну с Россией Наполеон. В оформлении обложки использованы картины художницы Екатерины Камыкиной.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	44
Глава четвертая	61
Глава пятая	73
Глава шестая	100
Глава седьмая	127
Глава восьмая	216
Глава девятая	250
Глава десятая	340
Глава одиннадцатая	357
Глава двенадцатая	374

Глава первая

Я рос, как и большинство моих сверстников, в спокойной семейной обстановке, имея любящих родителей, двух младших сестёр и степенного гувернёра – француза. Отец хотел приписать меня к дипломатическому корпусу. Видел во мне будущего государственного деятеля и блестящего дипломата. Но я, вопреки его планам, мечтал поступить в морской корпус. Рвался в море. Мне грезились далёкие, неизведанные берега, отчаянный грохот волн, свист ветра в парусах, свобода до самого горизонта...

Однако детство моё окончилось в конце одна тысяча восемьсот одиннадцатого года. И кто же знал, какие испытания нас ждут впереди. Куда нас заведёт судьба. С какими людьми я повстречаюсь, скольких друзей потеряю, а скольких обрету... А мне всего-то было тринадцать лет отроду.

Это произошло в один из тихих зимних вечеров. За окном в быстрых сумерках кружил пушистый снег. С кухни тянуло ароматом жареной утки и печёными яблоками в меду. Я сидел у отца в кабинете, за тяжёлым дубовым столом с точёными ножками. Огромная столешница была обтянута зелёным английским сукном. ярко горели восковые свечи в бронзовых канделябрах. Тут же стоял письменный прибор из морёного дуба с чернильницей и аккуратно уложенными в пенал гусиными перьями. Бронзовый пресс-папье в виде бюста римского императора Цезаря взирал на меня сурово. Рядом стопка потёртых книг в дорогих кожаных переплётах.

Отец давал мне урок математики. Почему отец? Наш гувернёр месье де Бельте был очень умным и начитанным, но в математике, физике, естествознании он ничего не смыслил, посему папёнька сам мне объяснял эти предметы. А вообще месье де Бельте был очень хорошим человеком. Великая французская революция¹ выну-

¹ Великая французская революция (фр. *Révolution française*) – крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, произошедшая в конце XVIII века,

дила этого безобидного, тихого дворянина покинуть своё имение и бежать с семьёй в Россию. Теперь он преподавал мне французский, немецкий, всемирную историю, географию великих открытий и правила этикета, и даже правила стихосложения. А родитель мой учил меня точным наукам сам вовсе не из скупости. Просто отец служил в министерстве строительства, и посему знал в совершенстве технические предметы. Мы как раз углубились в нудные геометрические вычисления, когда вошёл Прохор, наш лакей. Я подумал: сейчас он позовёт нас к ужину; уж очень есть хотелось, уж очень аппетитно тянуло с кухни. Но Прохор доложил:

— Прибыл гонец от графа Очарова.

Отец вздрогнул и резко встал с испуганно скрипнувшего стула, да так неловко, что качнул тяжёлый стол. Капля чернил сорвалась с моего пера, ляпнув на лист бумаги, прямо туда, где я заканчивал вычисления.

— От кого? — не своим голосом переспросил папенька и побледнел, — От Петра Васильевича?

Он сделал два шага к двери. Прохор посторонился, пропустив в комнату крепкого мужика в сером овчинном тулупе. Тут же пахнуло морозом и конским потом. Мужик был широкоплечий, коренастый. Темные волосы, стриженные под горшок. Густая борода лопатой. Глаза строгие, тёмные, брови густые. Он мял заячий треух в огромных жилистых руках. На ногах заношенные, но ещё крепкие сапоги. Я сразу вообразил себе лесного разбойника или бунтаря с Урала. Наверное, таким был Емельян Пугачёв². Мужик меж тем степенно поклонился, выпрямился и продолжал молча стоять.

— Степан? — узнал его отец. — Степан Заречный.

— Я, барин. Признали, — пробасил мужик, растягивая гласные.

в результате которой был уничтожен Старый порядок, и Франция из монархии стала республикой де-юре свободных и равных граждан. Девиз — «Свобода, равенство, братство». Началом революции стало взятие Бастилии 14 июля 1789 года, а её окончанием историки считают 9 ноября 1799 года (переворот 18 брюмера).

² Емельян Иванович Пугачёв — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 годов в России. Пользуясь слухами, что император Пётр III жив, Пугачёв назвался им; он был одним из нескольких десятков самозванцев, выдававших себя за Петра, и самым удачливым из них.

– С чем пожаловал? Сам Пётр Васильевич прислал? С чего бы?

– Сам Пётр Васильевич, – как-то грустно ответил Степан. Развел руками, как бы думая, с чего начать. – Беда с барином. Приболел. Доктора вызвал из самого Пскова.

– Серьёзно приболел? – настороженно спросил отец.

– Куда ж сурьезней, ежели вас велел кликать. Почитай, четырнадцать годков ничего не хотел слыживать, а тут – на те – позвал меня и говорит: – Запрягай самую быструю тройку – и в Петербург...

– А доктор? Что говорит доктор, тот, из Пскова?

– А медведь его разберёт, – махнул рукой мужик. – Немчура. У него на русском язык не воротится. Каркает что-то по-своему. Да тут и так все ясно... – Он натужно вздохнул. – Ехать надо.

– Да, конечно. Завтра с утра и отправимся. Ступай на кухню, пусть тебя накормят, – распорядился папенька, сам стал нервно ходить по кабинету, нахмутив брови, и заложив руки за спину.

Лакей Прохор проводил гостя сердитым взглядом, вышел следом и затворил дверь. Послышалось с той стороны его недовольное бурчание:

– Что ж ты, мужик, сапоги-то не отряхнул? Глянь-ка, грязи сколько в дом наволок!

– Ой, и вправду, – пробасил гость. – Ничего. Вон, тряпку возьми и подотри. Для того ты тут и поставлен.

Раздались тяжёлые удаляющиеся шаги. Прохор что-то мычал, шипел. Видать, у него от таких наглых слов язык отнялся. Наконец ему удалось выкрикнуть вслед:

– Да как ты смеешь? Мужичина неотёсанный. Да ты.... Да ты.... В приличном доме. Это тебе не хлев...

– Прохор! – позвал отец. Лакей, красный от гнева, появился в дверях. – Распорядись пораньше подать ужин, да подготовь все к отъезду.

– Слушаюсь, – поклонился Прохор и удалился выполнять приказ.

– Мы едем к бабушке? – удивился я. – Но ты говорил, что ноги твоей не будет в Крещенках до самой смерти.

– Вот она и пришла. Тут не до обид, Сашенька, – отец рассеяно похлопал меня по плечу. – Нельзя злобу держать на того, кто перед порогом к Всевышнему. Надо прощать. Надо!

Он перекрестился на старую иконку, стоявшую в углу кабинета.

Немного о графе Очарове, Петре Васильевиче, моем деде. Происходил граф из старого дворянского рода. Предки ещё при Иоанне Грозном³ служили в стрелецких полках. В правлении Петра Великого⁴ один из прашуров прославился в битве при Гангуте⁵, когда в составе абордажной команды первым ворвался на флагманский шведский фрегат «Элефант». За героизм и отвагу самодержец Пётр лично вручил ему офицерскую шпагу. В Полтавском⁶ сражении он уже командовал ротой Семёновских гвардейцев. Был изранен в штыковом бою, но остался на ногах и лично захватил шведский штандарт. Один из его сыновей, мой прадед, служил исправно в гвардии при Елизавете Петровне⁷. Мало того, в составе роты гренадёров Преображенского полка участвовал в её воцарении. При Екатерине⁸ имел высокую должность в военно-морской коллегии и

³ Иоанн IV Васильевич (прозвание Иван Грозный; 25 августа 1530, село Коломенское под Москвой – 18 марта 1584, Москва) – великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547)

⁴ Пётр I Великий (Пётр Алексеевич Романов; 30 мая [9 июня] 1672 года – 28 января [8 февраля] 1725 года) – последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский (с 1721 года). Из династии Романовых (с 1682 года).

⁵ Гангутское сражение (швед. *Slaget vid Riga*) – морское сражение Великой Северной войны 1700–1721 годов, состоявшееся 27 июля (7 августа) 1714 года у мыса Гангут (полуостров Ханко, Финляндия) в Балтийском море между русским и шведским флотами, первая в истории России морская победа русского флота.

⁶ Полтавская битва – крупнейшее сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII. Состоялась утром 27 июня (8 июля) 1709 года (28 июня по шведскому календарю) в 6 верстах от города Полтава на Украине (Левобережье Днепра). Разгром шведской армии привёл к перелому в Северной войне в пользу России и к концу господства Швеции в Европе.

⁷ Елизавета I Петровна (18 [29] декабря 1709, Коломенское – 25 декабря 1761 [5 января 1762], Санкт-Петербург) – российская императрица из династии Романовых с 25 ноября (6 декабря) 1741 года, младшая дочь Петра I и Екатерины I, рождённая за два года до их вступления в брак.

⁸ Екатерина II Алексеевна Великая (урождённая София Августа Фредерика Ангальт-

успешно продвигал по службе моего деда. Тот поступил в коллегию по градостроительству. Работал вместе с Алексеем Васильевичем Тучковым⁹. Как-то inspectируя строительство, дед попал под обрушение лесов. Еле жив остался. Долго болел и вынужден был оставить службу. Удалился в родовое имение Крещенки под Псковом. Алексей Васильевич Тучков, бывший в то время уже в чине инженера-генерала-поручика, выхлопотал ему хорошую пенсию. Да и без того семейство Очаровых жило безбедно. Три сотни душ крепостных, леса, своя лесопильная мануфактура. Дед женился на княжне Турлиной, моей бабушке, тоже из псковских дворян. Всего у них родилось пятеро детей, двое из которых умерли в малолетстве. Мой отец – старший, графиня Мария, ныне Преображенова, жила с мужем и тремя детьми в Москве. Самый младший из пятерых, Семен Очаров, и самый беспутный, как считал папенька, служил в Литовском драгунском полку. Как рассказывал отец, бабушка скончалась ещё в возрасте сорока годов от простуды. Дед больше не женился.

Доживши до своих неполных четырнадцати лет, никого из родственников я не видел. А все потому, что мой родитель попал у деда в опалу. Отец выучился и поступил на службу в ту же коллегию, в которой служил дед. Алексей Васильевич Тучков, невзирая на старую дружбу с дедом, давал отцу очень ответственные поручения и спрашивал строго, дабы никто не смел и подумать, что сей отрок продвигается по службе только благодаря блестящей протекции.

Но с папенькой случилась романтическая история. Он повстречал на весеннем балу у Апраксиных¹⁰ очень красивую девушку и

Цербстская, нем. Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg, в православии Екатерина Алексеевна; 21 апреля (2 мая) 1729, Штеттин, Пруссия – 6 (17) ноября 1796, Зимний дворец, Петербург) – императрица всероссийская с 1762 по 1796 годы. Дочь князя Ангальт-Цербстского, Екатерина пришла к власти в ходе дворцового переворота, свергнувшего с престола её непопулярного мужа Петра III. Екатерининская эпоха ознаменовалась максимальным закрепощением крестьян и всесторонним расширением привилегий дворянства.

⁹ Тучков, Алексей Васильевич – 1786 г. инженер-генерал-поручик, а потом, при Павле первом, действительный тайный советник, сенатор 5 апр. 1797 г. Строитель моста с Петербургской стороны на Васильевский остров (Тучкова).

¹⁰ Апра́сины – графы и дворяне (в старину писались Опраксины). В 1371 году, по ска-

влюбился без памяти. Маменька происходила из рижских немцев, хоть бедного, но знатного рода, идущего ещё от рыцарей Тевтонского ордена¹¹. Вскоре молодые люди решили обвенчаться, но дед благословения не дал. Мало того – он впал в гнев. Оказывается, за год до этого обещал женить отца на дочери соседского помещика.

– Не желаю я родниться с немчурой, – кричал дед. – Наш род – истинно русский, православный, а они из католиков, и нищие, как церковные крысы. Не бывать сему!

У отца разыграла гордость, и они рассорились с дедом в пух и прах. Но Алексей Васильевич Тучков встал на сторону отца:

– Совсем сдурел Пётр Васильевич! Наверное, белены псковской объелся. Это же надо такое выдумать – немчура! Ну и что? А Екатерина, жена самодержца Петра кем была? А матушка наша покойная Императрица? Да сам он – морда чухонская¹², из каких? Все! Я к нему съезжу! Я ему все выскажу...

Но сердобольный Александр Васильевич только еще больше вбил клин вражды между дедом и отцом, да и сам рассорился с бывшим сослуживцем.

– Ничего, – сказал он по приезду обратно в Петербург, – ты, Андрей, служи честно, а я тебе подсоблю. Поживёшь с молодой супругой первое время у меня в доме. Со временем за усердие чин получишь и жалование приличное... А старик перебесится. Позовёт тебя ещё... Вот увидишь.

заням древних родословных книг, к великому князю Олегу Рязанскому выехали из большой орды два знаменитые мужа: Салхомир, или Солохмир, и Едуган (от второго – Едугана – произошли Хитрово) Мирославиичи. Солохмир принял св. крещение и был назван Иваном. Великий князь Олег Иванович отдал за него в супружество родную сестру свою, Анастасию Ивановну, и пожаловал ему несколько вотчин. У Солохмира был правнук Андрей Иванович, прозванием Опракса, от которого и начали писаться сперва Опраксины, а потом Апраксины.

¹¹ Тевтонский орден (также Германский орден, Немецкий орден; нем. *Deutscher Orden*) – германский духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII века. Девиз ордена: «Помогать – Защищать – Исцелять» (нем. «Helfen – Wehren – Heilen»).

¹² Чухна, чухонцы – старинное прозвание финно-угорских народов в новгородских землях (эсты, сету, ижора и прочие). Впервые упоминается в Псковской второй летописи под 1444 г. в форме «чухно».

Вскоре родился я, потом средняя сестра Машенька и младшая Оленька. У нас уже был свой дом в конце Миллионной. Папенька усердно служил. Каждый второй четверг месяца устраивали приём гостей. В общем, жили, как и все семьи средних чиновников Петербурга. Но дед так и не позвал нас ни разу. Приходили, правда, странные гостинцы на Рождество, да на Пасху. Но – ни записочки, ни открытки. И посыльные плечами пожимали: – «Не могу знать от кого. С оказией доставлено».

В тот вечер, после приезда Степана Заречного, маменька все вздыхала за ужином: – Как же мы покажемся перед ним? Он же никогда нас не жаловал... Отец её успокаивал: – Ничего страшного. Съездим быстро и вернёмся. Надо простить ему все обиды перед уходом, да нас он пусть простит. Маша беспокойно посматривала то на маму, то на отца. Дёргала меня за рукав и шёпотом спрашивала:

– Сашенька, что случилось?

– Ничего. Отстань. Поедем завтра к деду?

– К какому, Сашенька? Скажи.

– Отстань! Скоро сама все узнаешь.

Младшая Оленька, чувствуя, что на неё не обращают внимания, и разговор за столом серьёзный, долго бычилась, сопела и, в конце концов, разревелась. Ужин не задался.

Наутро, чуть забрезжил серый рассвет, нас уже ждали во дворе широкие сани с кожаным верхом. В кузовке были постелены овчинные шкуры. Степан Заречный сидел на высоких козелках. Красивые орловские кони нетерпеливо били копытами, фыркали, выпуская облачки пара. Дорожные сундуки уже накрепко были привязаны на задке. Я попрощался с моим другом Жаном, сыном гувернёра де Бельте. Хоть он был моим сверстником, но ростом – на полголовы ниже и в плечах неширок. Жан, несмотря на раннее утро, вышел меня проводить. Стоял, кутаясь в пальто, и дрожал от холода.

– Иди уж, досыпай, – отослал я его обратно в дом. – Не на год же едем. Думаю, через неделю вернёмся.